

XVII.

Башилову.

Вы старшина собранья вѣрно,
 Такъ я прошу васъ объявить,
 Могу ль я здѣсь нелюдимо
 Въ глаза всѣмъ правду говорить?
 Авось, авось займетъ насъ дѣломъ
 Иль хоть забавитъ новый годъ,
 Когда одинъ въ собраньи дѣломъ
 Ему на встрѣчу не солжетъ.
 Итакъ, я васъ не поздравляю:
 Что годъ сей дастъ вамъ—знаетъ Богъ!
 За то минувшій, утѣряю,
 Отмстил за васъ, какъ только могъ.

XVIII.

Булгакову.

На вздоръ и шалости ты хватъ
 И мастеръ на бездѣлки,
 И шутовской надѣвъ нарядъ,
 Ты былъ въ своей тарелкѣ.
 За службу долгую и трудъ,
 Авось на мѣсто класса,
 Тебѣ, мой другъ, по смерти дадутъ
 Чинъ и мундиръ паяса.

XIX.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Арсеньеву.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнился
 Приманкой сладкой бытія,
 Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
 Чтобъ не изсякла плоть твоя.
 Пусть покровительство судьбины
 Повсюду будетъ надъ тобой,
 Чтобъ умъ твой не вскружили вины
 И взоръ красавицы молодой.
 Ланиты и вино нерѣдко
 Фальшивой краскою блестятъ:
 Вино поддѣльное, кокетка—
 Для головы и сердца ядъ.

Солнце.

Какъ солнце зимнее прекрасно
 Когда, бродя межъ сѣрыхъ тучъ,
 Оно кидаетъ слабый лучъ..
 Такъ точно, дѣва молодая,
 Твой образъ предо мной блеситъ;
 Но взоръ твой, счастье общая,
 Мою ли душу оживитъ?
 Я счастливъ! тайный ядъ течетъ въ моей
 крови,
 Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!..
 Дай Богъ, чтобъ такъ случилось!.. ни любви,
 Ни мукъ умершій ужъ не знаетъ
 Шести досокъ жилецъ уединенный,
 Не зная ничего, оставленный, забвенный:
 Ни славы зовъ, ни голосъ твой
 Не возмутятъ надежный мой покой.

**

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
 Когда, какъ южный метеоръ,
 Яркая безъ свѣта и красна.
 Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
 Парица лучшихъ думъ пѣвца,
 И лучший перлъ того вѣнца,
 Которымъ сводъ небесъ порою
 Гордится, будто царь земной.
 На западъ вечерній лучъ
 Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
 И уступить все медлитъ онъ—
 Лунѣ—угрюмый небосклонъ.
 Но скоро таснетъ лучъ зари.
 Высоко мѣсяць... Двѣ или три
 Младя тучки окружаютъ
 Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
 Которымъ блѣлое чело
 Ему убрать позволено.
 Кто не знавалъ такихъ ночей
 Въ ущельяхъ горъ или средь степей?
 Однажды, при такой лунѣ,
 Я мчался на лихомъ конѣ,
 Въ пространствѣ голубыхъ долинъ.
 Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
 Туманный мѣсяцъ и меня
 И гриву и хребетъ коня
 Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
 Я чувствовалъ, какъ конь дышалъ,
 Какъ онъ, удариши ногой,
 Отбрасываемъ былъ землей;
 И я, въ чудесномъ забытѣ,
 Движенья сковывалъ свои
 И съ нимъ себя желалъ я слить.
 Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить
 И долго такъ мой конь летѣлъ..
 И вокругъ себя я поглядѣлъ:
 Все та же степь, все та-же луна.
 Свой взоръ ко мнѣ склонивъ, она,
 Казалось, упрекала въ томъ,
 Что человекъ съ своимъ конемъ
 Хотѣлъ владычество степей
 Въ ту ночь оспаривать у ней!

Прощанье.

она.

Не уѣзжай, лезгинецъ молодой;
 Зачѣмъ сѣдшишь на родину свою?
 Твой конь усталъ, въ горахъ туманъ сырой
 А здѣсь тебѣ и кровля и покой

И я тебя люблю!..
 Ужели унесла заря одна
 Воспоминанье райскихъ двухъ ночей;
 Нѣтъ у меня подарковъ: я бѣдна,
 Но мнѣ душа Создателемъ дана
 Подобная твоей.
 Въ ненастный день заѣхалъ ты сюда;
 Подъ мокрой буркой, съ горестнымъ лицомъ..
 Ужели для меня сей день, когда